

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.132.89>

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Д.В. ДАВЫДОВА

Научная статья

Христолюбова О.В.¹, Тимакова А.А.^{2,*}

¹ORCID : 0009-0006-4445-4364;

²ORCID : 0000-0003-0269-4969;

^{1,2} Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (anna.a.timakova[at]gmail.com)

Аннотация

В работе выявляются факты рецепции Д.В. Давыдовым мотивов и образов, восходящих к античности, рассматриваются жанрово-стилевые формы его поэзии, связанные с художественным осмыслением античной мифологии и литературы. Авторы приходят к выводу о богатстве и многообразии использования поэтом античного материала – это обращение к мифологическим сюжетам и образам, именам богов и героев, отдельным понятиям античности, историческим событиям и ярким деталям древности, а также жанрам и метрике стиха. Особое внимание уделено образу Психеи, обращение поэта к которому связано с осмыслением им самой природы человеческих чувств и переживаний. Влияние античной мифологии и литературы способствовало формированию своеобразия творческой манеры Д.В. Давыдова.

Ключевые слова: Денис Давыдов, античность, рецепция, аллюзия, образ Психеи.

ANTIQUÉ MOTIFS IN THE POETRY OF D.V. DAVYDOV

Research article

Khristolyubova O.V.¹, Timakova A.A.^{2,*}

¹ORCID : 0009-0006-4445-4364;

²ORCID : 0000-0003-0269-4969;

^{1,2} Penza State University, Penza, Russian Federation

* Corresponding author (anna.a.timakova[at]gmail.com)

Abstract

The work uncovers the facts of D.V. Davydov's reception of motifs and images dating back to antiquity, examines the genre and style forms of his poetry associated with the artistic understanding of ancient mythology and literature. The authors note the richness and diversity of the poet's use of the ancient material, including references to mythological plots and images, the names of gods and heroes, separate concepts of antiquity, historical events and vivid details of antiquity, as well as the genres and metrics of verse. Particular attention is paid to the image of Psyche, the poet's turning to which is linked with his comprehension of the nature of human feelings and experiences. The influence of ancient mythology and literature contributed to the formation of the peculiarity of Davydov's creative manner.

Keywords: Denis Davydov, antiquity, reception, allusion, image of Psyche.

Введение

Изучение русской поэзии в аспекте античных традиций – одно из важных направлений отечественного литературоведения. Оно позволяет углубить понимание своеобразия русской литературы, которая смогла вобрать в себя и глубоко осмыслить античное наследие, сделав его «органической составной частью» [3, С. 9] национальной культуры. Неслучайно возникло понятие «русской античности», активно вошедшее в научный оборот.

В целом ряде трудов Тахо-Годи А.А., Макогоненко Г.П., Савельевой Л.И, Мальчуковой Т.Г. и др. [5], [6], [10] рассматриваются важные литературные эпохи, связанные с сильным влиянием античности на русскую культуру XVIII – XIX веков и достаточно детально освещающие творчество отдельных авторов, работавших в антологическом жанре, – Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского и, конечно же, А.С. Пушкина. К поэтам пушкинского круга относится и Д.В. Давыдов. В данной работе предпринята попытка выявить использование Д.В. Давыдовым мотивов, образов, сюжетов, восходящих к античности, а также рассмотреть жанрово-стилевые формы его поэзии, связанные с художественным осмыслением классической древности.

Методы и принципы исследования

Основным методом исследования являлся сравнительно-исторический для установления фактов рецепции Д. Давыдовым античных мотивов. Кроме того, исследование проводилось при помощи культурно-исторического метода для определения особенностей поэзии Д. Давыдова в контексте его эпохи. Также использовались общенаучные методы: метод обобщения, направленный на систематизацию собранной по теме информации, метод интерпретации для истолкования результатов наблюдения и метод синтеза для обработки результатов исследования.

Обсуждение

Прежде всего стоит отметить непрерывность интереса к античности у Давыдова на протяжении всего творческого пути, интереса, проявившегося во многих лирических стихотворениях, начиная с раннего периода и заканчивая

последними произведениями. В сравнительно небольшом по объему лирическом наследии поэта около тридцати стихотворений напрямую связаны с мифологическими, историческими, поэтическими образами и мотивами античности. Думается, что это обусловлено самой эпохой 1820-1830-х гг., примечательной чертой которой был огромный интерес к античности вообще, к древнегреческой мифологии, к творчеству античных авторов, в частности Гомера. Это время появления стихотворных переводов гомеровских поэм: в 1829 г. Н.И. Гнедич закончил перевод «Илиады», над которым работал 20 лет и который, по словам А.С. Пушкина, должен иметь «важное влияние на отечественную словесность»; огромное впечатление на всех образованных людей произвел перевод В.А. Жуковским «Одиссеи». Д. Давыдов, несомненно, был знаком с работой поэта, тем более, что тот был его кумиром (так же, как и Пушкин) и другом. Вспомним и известный факт об избрании Дениса Давыдова в 1815 г. в члены «Арзамаса» с прозвищем «Армянин», когда он вместе с Пушкиным и Вяземским активно занимается в Москве делами арзамасского кружка. Поэзия практически всех членов «Арзамаса» была неразрывно связана с античными пристрастиями, что не могло не сказаться на творчестве поэта. Кроме того, говоря о причинах обращения Давыдова к античной мифологии и литературе, мы можем принять во внимание и особенности его пылкой природы, которой было близко само мироощущение античности.

Анализируя творчество Д. Давыдова, мы приходим к выводу о богатстве и многообразии использования поэтом античного материала: это обращение к мифологическим сюжетам и образам, именам богов и героев, отдельным понятиям античности, историческим событиям и ярким деталям древности, а также жанрам и метрике стиха.

В первую очередь, стоит выделить тот пласт произведений Д. Давыдова, который традиционно определяется исследователями как «гусарский». Без сомнения, это трансформированная форма анакреонтики с ее преобладающими мотивами воспевания вина, любви, красоты природы, радостей жизни. Здесь следует назвать известные послания Бурцову (их несколько): «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...»), «Бурцову» («Бурцев, ера, забияка...»), а также стихотворения «Гусар» («Напрасно думаете вы...»), «Гусарский пир», «Песня старого гусара», «Гусарская исповедь» и др. Л. И. Савельевой [7] отмечено новаторство Давыдова, довольно смело включающего «военную» лексику в поэтический арсенал, а С. М. Скибин убедительно доказывает наджанровый характер «гусарщины» Д. Давыдова [8], поэтому мы не будем останавливаться на этом аспекте. Скажем только, что вышеупомянутые стихотворения поэта восходят, на наш взгляд, к лирике не только Анакреонта, о чем писали С. М. Скибин и О.М. Скибина [9], но и Алкея, и в особенности Архилоха, обладающего столь же буйной, кипучей натурой, ярко отразившейся в его поэзии, в которой удивительно сочетаются и военные, и вакхические, и эротические мотивы. Давыдов был знаком с античной лирикой благодаря переводам французских поэтов. У Архилоха военная тема раскрывается отнюдь не торжественно и величаво, а, напротив, «приземленно», как и у Давыдова в его «зачашных» песнях с их преобладающим воспроизведением бытовых деталей яркой сатирической окрашенности.

Лирика Д. Давыдова буквально наполнена античным материалом, в частности именами богов, известных исторических деятелей, полководцев и философов античности, мифологическими образами и сюжетами, точнее, отсылкой к ним. Причем стоит отметить органичность, естественность их включения в поэтический текст: непринужденно, легко, точно, экспрессивно, как все в стихах Давыдова. Простая фиксация примеров насыщенности античным материалом может составить внушительный список стихотворений: «Другу-повесе» – образы Эроса, Вакха, Амура, упоминаются музы; «Вальс» – хариты, «Гусар» – вновь Амур, «Листок» – Борей, «С.А.К...» – «пафосский бог», «Ответ» – «Кастальский ток», «Душенька» и «NN» – Психея и др. [2]. В ряде стихов вводятся поэтом имена правителей и законодателей древности, к примеру, Ликурга («Сон»), философов – Диогена («Как будто Диоген с зажженным фонарем...»). В последнем интерес вызывает аллюзия на предание о греческом философе Диогене, который ходил днем с фонарем, объясняя это тем, что он «ищет человека» (т.е. совершенного в нравственном смысле человека), и только тогда фонарь должен был погаснуть. В лаконичной форме передано восприятие поэтом современных ему людей, облеченных властью, мелких, «лоскутных», по выражению Н.В. Гоголя, по контрасту с которыми рисуется встреча с возлюбленной, поразившей, «удивившей» лирического героя, однако... «фонарь упал из рук, но ах!.. не погасился» [2]. Очевидно, что поэтическая недосказанность не оказалась бы столь неожиданной и яркой, не будь подобной отсылки к легенде, хорошо известной образованному человеку.

Особо мы выделяем стихи, в основном батального характера, в которых содержится авторская оценка исторических личностей и событий древнегреческой или древнеримской истории. В стихотворении «Зайцевскому, поэту-моряку», воспевая героя штурма Варны и другого героя-моряка, Казарского, поэт называет последнего «живым Леонидом», оставившим яркий след в истории Греции, совершившего подвиг (он, правитель Спарты, погиб с воинами своего отряда, сражаясь в ущелье Фермопилы с войском персидского царя Ксеркса). Данная параллель подчеркивает мужество современных поэту героев и глубину их патриотического чувства. Кстати, в этом же произведении интересна отсылка к мифу об Аполлоне и Дафне, спасающейся от преследования бога и превратившейся в лавр, символ славы, которую герой-моряк «взял на парнасских вершинах» [2].

Удивительно точным, лаконичным, «по-античному» афористичным представляется нам двестишестое «Надпись к портрету Багратиона», героя Отечественной войны 1812 года, погибшего на поле Бородина. Приведем его полностью:

- Где Клии взять перо писать его дела?
- У Славы из крыла [2].

Здесь все художественные средства призваны воссоздать героический облик мужественного, смелого, благородного человека, отдавшего жизнь за Отечество, имя которого останется в веках: и образ Клио, музы истории, и образ Славы; и своеобразная отсылка к образу богини победы, крылатой Ники; и строгость, сдержанность интонационного рисунка, подчеркнутая, по сути, риторическим вопросом и лаконизмом строфики, и самим сочетанием шестистопного ямба с трехстопным. Более того, двестишестое это удивительным образом передает авторское отношение к славному герою. Напомним известный факт о стремлении Давыдова, бывшего несколько лет адъютантом Багратиона и его другом, увековечить память о нем: поэт-партизан ходатайствовал о

перезахоронении П. И. Багратиона на Бородинском поле, что и было исполнено по воле императора Николая I после смерти Давыдова.

Остановимся и на образе Психеи в лирике Давыдова. Пожалуй, он играет особую роль в его поэзии: поэт обращается к нему в нескольких стихотворениях 1829 г., посвященных С.А. Кушкиной, дочери его соседей по симбирскому имению: «Душенька», NN («Вошла – как Психея, томна и стыдлива...»), NN («Вы хороши! Каштановой волной...»). Конечно, Давыдову был известен символический смысл образа Психеи, олицетворения души. Видимо, он (образ) связан с осмыслением поэтом самой природы человеческих чувств и переживаний. И осмысление это отличается философской глубиной и психологической точностью.

Прежде всего обратим внимание на отдельные черты в портрете героини. Ее образ лишен какой-либо конкретики: «высокое чело», «стройна и красива», «из-под ресниц ее густых», «взор стыдливый», «по челу прекрасной», «божественная» («Душенька»); «взор полузакрытый», «стан полунагой», «оригинал живой очаровательной хариты» («NN») [2]. Ведь это обобщенный портрет прекрасной женщины – богини, к которой обращены нежность, восторг, душевный трепет лирического героя, восхищенного ее внешней красотой и нравственным совершенством. Это «классический» портрет, заставляющий читателя вспомнить античные скульптуры, в которых переданы внешняя красота и нравственное совершенство, заключающееся в традиционном для древних греков понятии калокагатии, что в конечном итоге помогает соотнести восприятие красоты Психеи с эпохой античности. Восприятие Психеи – «скульптуры» подтверждается и упоминанием в стихотворении «NN» («Вы хороши! Каштановой волной...») имени Антонио Кановы, итальянского скульптора, автора скульптурной композиции «Три грации»: «Не вы ль оригинал живой // Очаровательной хариты, // Кановы созданной рукой?» [2].

Первые строфы «Душеньки», передающие необыкновенное душевное состояние лирического героя, поющего ей, «божественной», «песнь с восторгом новым», осеняющего «венком лавровым ее высокое чело», содержат, как мы полагаем, явное аллюзивное соотнесение данной поэтической картины с мифом о Пигмалионе и Галатее, великолепно обработанным Овидием в поэме «Метаморфозы». Восторг, искренность, неподдельность и глубина чувств лирического героя Давыдова подчеркиваются анафорой: «Я весь был гимн, // я весь был чувство, // Я весь был чистый фимиам» [2]. Очевидные отзвуки мифа придают стихотворению некую «сюжетность» и драматизм. «Божественная» красота Психеи оказывается холодной («Она чужда сердечной муки // Чужда томительных тревог») [2]. И здесь стоит согласиться с замечанием Р. Войтеховича относительно позиции поэта, «развенчивающего сотворенный идеал, – поэт нуждается не в холодной идеальной красоте, которой «не сродни крылатый бог», а в живой любви» [1, С. 129-130]. И все же согласимся отчасти. Психея у Давыдова хотя бы на миг может «ожить» для любви («И вспыхнули ланиты страстно, // И загорелися уста»), «от жарких уст прикосновенья // К ее трепещущим устам» [2], так же, как «пробудилась» к жизни и любви Галатее в указанном выше мифе. Как видим, пластические и драматические элементы пронизывают все произведение и составляют особенность художественного стиля поэта.

Интерес к античности проявился у Д. Давыдова и в обращении к такому жанру, как элегия, ставшая одним из ведущих жанров в его поэзии. Он разрабатывает данную жанровую форму как типичный романтик, внимательный к драматизму внутренней жизни человека. В элегиях Давыдова звучат и героико-патриотические, и любовные, и философские мотивы. Вопрос о традициях римской любовной элегии в лирике Д. Давыдова достаточно детально рассматривает современный исследователь Е.В. Колышнева [4].

Если анализировать поэзию Д. Давыдова с точки зрения жанровой специфики, то можно прийти к выводу о многообразии жанровых форм античности, которые разрабатывал поэт: это и вышеупомянутые элегии, басни, эпитафии, эпиграммы, послания, ода (например, сам поэт определяет жанр стихотворения «Мудрость» как «анакреонтическую оду»).

Заключение

Следует отметить достаточно высокий уровень мастерства Д. Давыдова, проявившийся в органичном усвоении античного материала, в его глубоком осмыслении, в строгом отборе художественных средств. Он поэт своей эпохи, отличительной особенностью которой был огромный интерес к античности. Влияние античной мифологии и литературы способствовало формированию новых граней мастерства Д.В. Давыдова-поэта.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.132.89.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.132.89.1>

Список литературы / References

1. Войтехович Р.С. Психея в творчестве М. Цветаевой: эволюция образа и сюжета / Р.С. Войтехович — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. — 158 с.
2. Давыдов Д.В. Стихи и проза [Электронный ресурс] / Д.В. Давыдов // booksafe.net. — 1979. — URL: http://booksafe.net/read/davydov_denis-stihi_i_proza-201920.html#p1. (дата обращения: 15.03.23)
3. Кнабе Г.С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: Программа-конспект лекц. курса / Г.С. Кнабе. — М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2000. — 240 с.

4. Колышневa Е.В. Традиции римской любовной элегии в лирике Д.Давыдова. / Е.В. Колышневa // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. — 2012. — 1 (2). — с. 114-117.
5. Макогоненко Г.П. Анакреонтика Г.Р. Державина и ее место в поэзии начала XIX века. / Г.П. Макогоненко // Анакреонтические песни; под ред. Державин Г.Р. — М.: Наука, 1986. — с. 251-295.
6. Мальчукова Т.Г. Греческая классика и наша культура / Т.Г. Мальчукова. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2005. — 164 с.
7. Савельева Л.И. Античность в русской романтической поэзии (Поэты пушкинского круга) / Л.И. Савельева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. — 77 с.
8. Скибин С.М. Батальная лирика Д.В. Давыдова / С.М. Скибин // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. — 2021. — Т.1. — 1. — с. 41-49.
9. Скибин С.М. Анакреонтическая лирика Д.В. Давыдова / С.М. Скибин, О.М. Скибина // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. — 2021. — Т.1. — 1. — с. 5-15.
10. Тахо-Годи А.А. Античные мотивы в поэзии Г.Р. Державина / А.А. Тахо-Годи // Писатель и жизнь: Сб. ист.-лит., теор. и критич. статей; — М.: Изд-во МГУ, 1978. — с. 117-132.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vojtexovich R.S. Psixeya v tvorcestve M. Czvetaevoj: e'voljuciya obraza i syuzheta [Psyche in the Work of M. Tsvetaeva: the Evolution of the Image and Plot] / R.S. Vojtexovich — Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005. — 158 p. [in Russian]
2. Davy'dov D.V. Stixi i proza [Poems and Prose] [Electronic source] / D.V. Davy'dov // bookscafe.net. — 1979. — URL: http://bookscafe.net/read/davydov_denis-stihi_i_proza-201920.html#p1. (accessed: 15.03.23) [in Russian]
3. Knabe G.S. Russkaya antichnost: Soderzhanie, rol i sudba antichnogo naslediya v kulture Rossii: Programma-konspekt lekts. kursa [Russian Antiquity: The Content, Role and Fate of the Ancient Heritage in the Culture of Russia: Program-Compendium of Lecture Course] / G.S. Knabe. — М.: Publishing House of the Russian State Humanitarian University, 2000. — 240 p. [in Russian]
4. Koly'shneva E.V. Tradicii rimskoj lyubovnoj e'legii v lirike D.Davy'dova [Traditions of the Roman Love Elegy in the Lyrics of D. Davy'dov]. / E.V. Koly'shneva // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. — 2012. — 1 (2). — p. 114-117. [in Russian]
5. Makogonenko G.P. Anakreontika G.R. Derzhavina i ee mesto v poe'zii nachala XIX veka [Anacreontics of G.R. Derzhavin and its Place in the Poetry of the Early 19th Century]. / G.P. Makogonenko // Anacreon Songs; edited by Derzhavin G.R. — М.: Nauka, 1986. — p. 251-295. [in Russian]
6. Malchukova T.G. Grecheskaya klassika i nasha kultura [Greek Classics and Our Culture] / T.G. Malchukova. — Petrozavodsk: Publishing House PetrSU, 2005. — 164 p. [in Russian]
7. Saveleva L.I. Antichnost v russkoi romanticheskoi poezii (Poeti pushkinskogo kruga) [Antiquity in Russian Romantic Poetry (Poets of the Pushkin Circle)] / L.I. Saveleva. — Kazan: Publishing House of Kazan University, 1986. — 77 p. [in Russian]
8. Skibin S.M. Batalnaya lirika D.V. Davidova [Battle Lyrics by D.V. Davy'dov] / S.M. Skibin // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva [Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev]. — 2021. — Vol.1. — 1. — p. 41-49. [in Russian]
9. Skibin S.M. Anakreonticheskaya lirika D.V. Davidova [Anacreontic Lyrics by D.V. Davy'dov] / S.M. Skibin, O.M. Skibina // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva [Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev]. — 2021. — Vol.1. — 1. — p. 5-15. [in Russian]
10. Takho-Godi A.A. Antichnie motivi v poezii G.R. Derzhavina [Antique Motifs in the Poetry of G.R. Derzhavin] / A.A. Takho-Godi // Pisatel' i zhizn': Sb. ist.-lit., teor. i kritich. statej [Writer and Life: Comp. of His.-Lit., Theor. and Critical Articles]; — М.: MSU Publishing House, 1978. — p. 117-132. [in Russian]